

Открывая горизонты

Художник Николай Турицын

Как-то в кругу друзей и близких Борис Фёдорович Домашиников стал вспоминать свою молодость, годы учёбы:

– У меня был замечательный педагог – Николай Васильевич Турицын, он меня всему научил...

Один из присутствующих сказал, что знает дочь Турицына, и Борис Фёдорович выразил желание со мной познакомиться. Шёл 2001 год...

В Уфе до конца XIX века, до открытия 8 сентября 1888 г. железной дороги, главным путём являлся речной – прибывающим с пристани сразу открывался вид на огромный светлый храм в византийском стиле – главный храм города, Смоленский собор. Так делают во всех городах – приплывающие с моря или реки должны увидеть главную достопримечательность: в Лиссабоне входящие с океана в устье Тежу видят роскошную арку, ведущую к Авенида да Либердаде, а перед ней величественный памятник королю Жуану I; в Барселоне у Старого порта – стоит Мирадоре (от исп. обозреть), памятник Колумбу.

Император Александр I по пути в Оренбург на уральские заводы посетил Уфу и пробыл здесь три дня – с 16 по 18 сентября 1824 года. Сменив дорожный костюм в доме станичного атамана Данилы Патронина и подарив его супруге и дочерям бриллиантовые украшения, император сначала поехал в Смоленский собор. А на третий день своего пребывания в городе заложил первый камень в основание храма Свя-

того князя Александра Невского. Улицы, на которой был основан храм, тогда, в начале позапрошлого века, фактически не было, она существовала только на плане так называемой Новой Уфы, утверждённом как раз Александром I. Хотя она и имела одно направление – с юга на север, улица носила два названия: Семинарская и Александровская, между которыми была ещё и Базарная площадь. В дальнейшем она стала Александровской на всём протяжении, вплоть до 1918-го, когда её переименовали в улицу Карла Маркса.

Церковь стояла на самом высоком месте улицы, была доминантой. Конечно, при советской власти она была снесена. Теперь на её месте стоит Дворец профсоюзов. Квартал, о котором пойдёт речь, открывала «Большая Сибирская» гостиница, теперь в ней Дом офицеров. Затем шёл доходный дом Меклера в три высоких этажа. А дальше – неожиданно невысокий двухэтажный дом владельца мебельных мастерских С. П. Давыдова. Правда, из маленького Электрического переулка дом с чугунным балконом

Нина Николаевна Турицына родилась в Уфе. Музыкант и филолог. Пишет прозу, стихи, публицистику, драму, занимается литературным переводом. Автор трёх книг прозы: «Белое на белом» («Китап», 2007), «Средство от измены» («Китап», 2010), «Русская парижанка» («Китап», 2016). Публикации в литературных журналах «Юность», «Аврора», «Невский альманах» (СПб), «Урал» (Екатеринбург), «Идель» (Казань), «Подъем» (Воронеж), «Башня» (Оренбург), «Бельские просторы» (Уфа), в журналах Канады и Германии. Шорт-лист Международного конкурса переводов «Ак торна» (2012), Лонг-лист Бунинской премии (2013).

Вид с каланчи на ул. Александровскую. Слева – главный дом усадьбы Давыдова, ещё без купола. Около 1901 г.

смотрелся великолепно. Он имел форму буквы П (покоем, говоря старинным языком), и лишь задняя часть была одноэтажной. Часть, что выходила на улицу, была когда-то магазином с большой витриной, а рядом – арка, ведущая во двор.

При советской власти в доме были разные учреждения, затем он весь превратился в коммуналки, а в 1938-м отдельную однокомнатную квартиру (таких на весь двор было три) получил в нём выпускник Московского художественного института имени Сурикова, единственный на всю Уфу с таким художественным образованием – мой отец Николай Васильевич Турицын (1900–1967).

Помню его диплом, по-старинному оформленный в виде плотного гербового листа бумаги и подписанный самим И. Э. Грабарём. Учителями отца были также Матвей Алексеевич Добров (офорт), Владимир Андреевич Фаворский (графика), Николай Петрович Крымов (живопись).

Наверное, диплом отца был одним из первых, выданных институтом. Дело

в том, что после революции станковое искусство признали ненужным, акцент делался на декоративное. ВХУТЕИН (Всесоюзный художественно-технический институт) называли сначала декоративным, затем текстильным и, наконец, полиграфическим. Это было единственное место, где можно было получить образование в области графики. Николай Турицын поступил в него после московского рабфака. Затем полиграфический институт стараниями и авторитетом Грабаря был преобразован в институт изобразительных искусств, в 1934-м Грабарь был назначен его директором. Тогда часть студентов исключили, но перспективных – в их числе папу – оставили. Надо заметить, что сведения в интернет-источниках бывают не совсем точными, а эти взяты мною из воспоминаний выпускника 1939 года, заслуженного деятеля искусств России, профессора Михаила Николаевича Алексича (1910–1988), ученика И. Э. Грабаря и М. А. Доброва.

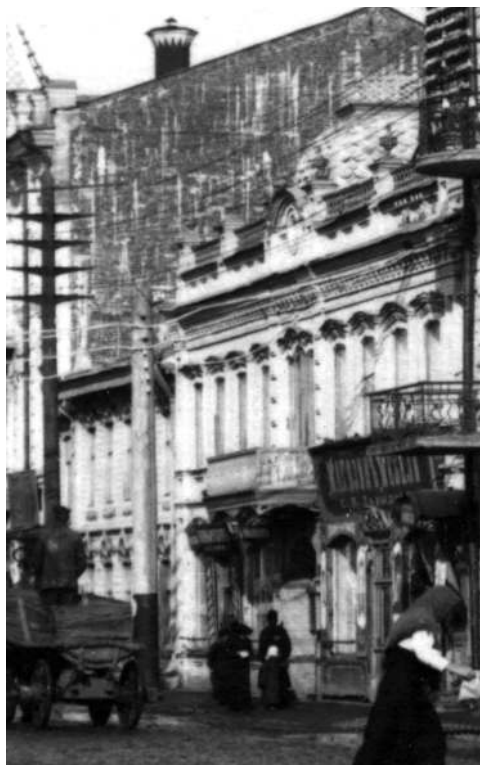
Что же представляла из себя наша квартира в Уфе. Отец называл её обманом, так как там не было никаких

удобств – только потом провели газ, сделали ватерклозет. Горячей воды и ванны, понятно, не было. Все тогда ходили в баню. А стирались в прачечной. Но потолки, точнее стены, были чуть ли не 4-метровые, и имелась маленькая, но своя кухня. А главное – это был самый центр! Рядом – филармония, драмтеатр, оперный, пять кинотеатров, главпочтамт, много парков.

От парков ныне мало что осталось. Да что там говорить – даже все деревья вырубали, и если на Коммунистической посадили липы, то здесь их, по видимому, не будет больше никогда – слишком узким сделали тротуар.

Папа ушёл из жизни рано, в 1967-м, и сведения о нём почерпнуты из книги «Кунгурское купечество» директора Объединенного музея города Кунгура Сергея Михайловича Мушкалова, а также от личных встреч с ним. Кстати, в этом музее экспонируются восемь папиных картин. В 2017 г. по приглашению директора Центральной библиотеки Кунгура Светланы Ивановны Матвеевой я приехала на родину папы со своими книгами и фотографиями, на которых Мушкалов сразу узнал Лаврентия Ивановича Сартакова, купца, городского голову Кунгура, построившего в городе церковь и открывшего женскую прогимназию. На родной сестре Сартакова Анфисе был женат Василий Турицын, тоже из купеческого сословия, владелец кожевенных мастерских. Два его сына не имели счастливой судьбы: один погиб на войне, другой – в ГУЛАГе, мой отец избежал этого лишь потому, что учился в Москве, поступив на рабфак.

Молодым он ходил на поэтические вечера в Политехнический музей, видел самого Маяковского, сам писал стихи, но никуда с ними не обращался. Он играл на рояле, как можно судить по фотографии, рояль был в их доме (собственно, у них там было три дома – низ каменный, верх деревянный – типичные уральские дома). Когда он говорил, что занимался по самоучителю, вери-

Уфа, ул. Александровская, ок. 1915 г. Два лица С. П. Давыдова (деревянный и кирпичный) буквально между трёхэтажными меклеровскими

ла. Лишь когда сама стала учиться на фортепианном отделении Уфимского училища искусств, поняла, что таким способом не выучить сонаты Бетховена, а он их играл, хотя любимыми были Моцарт и Шуберт, очень созвучные его романтической душе. Скорее всего, в семье были домашние учителя, в том числе музыки.

Вообще, папа никогда не говорил о своем происхождении. Причины, думаю, понятны. С 14 лет он работал на одном из кожевенных заводов Кунгура. В 1920–1922 годах учился в Высших художественно-промышленных мастерских в Перми. После их окончания уехал в Москву. Был он человеком разносторонним: профессионально занимался фотографией (в Москве служил фотокорреспондентом ТАСС), умел даже кроить и шить, а когда в 1953 г. выпустили по

амнистии уголовников и резко подскочило число квартирных краж, собрал электросхему, которая периодически включала свет, имитируя присутствие в доме хозяев. Писал очень красивым почерком, и записи его сохранили литературный вкус и остроумие.

После вуза ему предложили на выбор Ростов-на-Дону и Уфу, он выбрал последний, объясняя это любовью к родному Уралу. Училище, где он должен был преподавать, тогда называлось Театрально-художественным. В 1960 его объединили с музыкальным техникумом и назвали Училищем искусств.

Но вернусь в 2001-й. Это теперь, уже после смерти Бориса Фёдоровича, побывав снова в его мастерской, поговорив о нём с его сыном, прочитав воспоминания о нём, встретившись с искусствоведом Эвелиной Павловной Фениной, понимаешь, знакомство с каким человеком подарила тебе судьба. А тогда я даже не

сразу позвонила Домашникову: после работы ходила на ежедневные курсы английского языка и освободилась только в апреле. В ответ на мой звонок он предложил встретиться, а когда я спросила об удобной для него дате, ответил просто:

– Приезжайте прямо сейчас!

Я замялась, и тогда он добавил:

– Я в мастерской весь день. Жду вас.

Его мастерская – на первом этаже брежневской 14-этажки в красивейшем месте Уфы, на высоком берегу реки Белой, сразу за оградой парка, в то время носившего имя Н. К. Крупской, ибо именно здесь в целях конспирации встречались с членами марксистских кружков находившаяся в уфимской ссылке Надежда Константиновна и дважды приезжавший в Уфу В. И. Ленин. Теперь парк вновь носит имя героя башкирского народа Салавата Юлаева. А рядом – музей писателя Сергея Тимофеевича Аксакова.

Семья В. Турицына. Кунгур, начало 1900-х

*Сотрудники редакции газеты «Искра», г. Кунгур, 20 июня 1928 г.
Стоит 3-й слева – Н. В. Турицын*

Сын художника Виктор провёл в большую высокую комнату, где на встречу мне с дивана приподнялся очень пожилой человек небольшого роста, одетый по-простому в зелёную футболку, опирающийся на палку. Все стены мастерской были увешаны его картинами, на столе – многочисленные художественные альбомы, но разговор Домашников начал с расспросов обо мне и нашей семье, ведь в те годы, когда он учился, было не принято интересоваться личной жизнью педагогов.

Я принесла ему фотографии папы, а он мне рассказывал о моём отце. Рассказ я воспроизвожу почти дословно, так как записала его по возвращении домой.

«Это был интеллигентнейший человек. В нём совсем не было этой... нахрапистости, он был скромным, по нынешним временам – даже очень скромным. Никогда никого не ругал, был очень тактичным. Замечания делал в виде пожеланий. Но и похвалы его добиться было нелегко! Меня, например, он тогда не хвалил.

Он вёл все предметы – рисунок, технику живописи, композицию, скульптуру (да, была тогда в пятигодичном курсе художественного отделения и лепка), историю искусств – он учил нас всему. Выбатывал вкус. Расширял кругозор. В те годы, а учился я после войны, он приносил в класс репродукции художников Возрождения, старых мастеров и даже современного западного искусства [был такой музей в Москве, объединённый в 1923-м из двух – собрания Щукина и коллекции Морозова, а в 1948-м ликвидированный; помню папин альбом репродукций этого музея. – Н. Т.], что по тем временам было большой редкостью, но зато сразу выводило на другой уровень, открывало горизонты. У него были целые альбомы репродукций, сотни художественных открыток...»

Я рассказала Борису Фёдоровичу, что папа родом из старинного купеческого города Кунгура, что в Пермской области. Удивительно, но город мало изменился и до сих пор являет собой настоящий музей под открытым небом. Более 10 лет отец прожил в Москве, в 1938 году

с дипломной работой «На ткацкой фабрике» окончил Институт изобразительных искусств. В советское время это – Художественный институт имени В. И. Сурикова, центр высшего художественного образования СССР, ведущий свою историю с 30-х годов XIX века, от Училища живописи, ваяния и зодчества, где учились и преподавали великие художники А. К. Саврасов, В. Г. Перов, И. М. Прянишников, В. Д. Поленов, В. Е. Маковский, И. И. Левитан, М. В. Нестеров, братья К. А. и С. А. Коровины, А. Е. Архипов, В. А. Серов.

В 1987 г. в историческом здании УЖВЗ появился второй московский художественный вуз – Академия живописи, ваяния и зодчества, созданная и возглавляемая И. С. Глазуновым, а после кончины Ильи Сергеевича – его сыном Иваном Ильичом.

Писал Турицын, как все тогдашние художники, в добротном стиле социали-

стического реализма. Это были и пейзажи, и портреты (есть и автопортрет), и большие многофигурные композиции («Калинин выступает перед рабочими», «Фрунзе и Чапаев под Уфой»). Но помню и такой неожиданный сюжет: «Похищение из монастыря». Были у него персональные выставки в 40–50-е годы.

Борис Фёдорович очень хотел посмотреть картины отца, но, увы – после его смерти у моей мамы остались только две его работы. Было стыдно и грустно...

Из справки П. В. Егорова, Т. В. Тарасовой и А. Л. Чечухи о доме С. П. Давыдова

В 1900 году мещанин С. П. Давыдов запросил в Уфимской городской управе разрешение выстроить на усадьбе новый 2-этажный каменный магазин. Разрешение было получено незамедлительно.

Н. В. Турицын (сидит 2-й слева во втором ряду) со студентами 3-го курса Уфимского художественного училища. 29 мая 1940 г.

Пожарные 2-й части в Электрическом переулке на фоне домов Давыдова. Около 1927 г.

Главный дом усадьбы был построен довольно быстро. На снимке с каланчи Второй пожарно-полицейской части видно, что он уже вчерне готов, даже обвешан столярно-мебельной рекламой, но окна ещё не застеклены, и самое главное – нет купола по центру. Учитывая, что «Большая Сибирская» гостиница (ул. Александровская, 14) строилась, начиная с 1901 г., данный снимок для открытки могли сделать в том же году, ибо площадка для гостиницы только огорожена.

Согласно справочным книгам Уфы 1908 и 1911 гг. по адресу Александровская, 16 (ныне Карла Маркса, 18) работало «столярное заведение», а также «мебельная торговля» Степана Павловича Давыдова, которому и принадлежал данный земельный участок. По этому же адресу находилась и Уфимская телефонная станция. Дом стоит точно по оси Электрического переулка, он превосходно виден с Гоголевской улицы. Вообще-то некогда на усадьбе был комплекс – пять зданий. На красную линию улицы выходило два из них – плот-

но примкнутые друг к другу кирпичное (южное) и деревянное (северное). Но если деревянное здание «приглянулось» постперестроечным реконструкторам и они попросту его снесли, то кирпичный дом сохранился. Когда-то он выглядел неким сказочным дворцом: по центру второго этажа строенное окно (так называемое окно Палладио – по имени итальянского архитектора XVI века), направо и налево по четыре окна по второму этажу и по три широких – по первому, балкон, над которым возвышалась венчавшая здание куполообразная чешуйчатая башня. Купол был увенчан металлической, квадратной в плане стилизованной короной с четырьмя пиками по углам. По центру здания была устроена арка, так как изначально усадьба имела уютный замкнутый внутриквартальный дворик. В арке стояли металлические ворота, сохранились вмурованные в стены здания остатки петель для их навеса.

Стоит обратить внимание и на то, что два выстроенных в 1914–1916 гг. по

обе стороны парадных домов Давыдова (кирпичного и снесённого позже деревянного) больших здания при шикарно оформленных главных фасадах имели неоштукатуренные боковые фасады. Очевидно, строивший их Самуил Меклер и архитектор Константин Гуськов планировали в последующем соединить оба дома вставкой. И снести для этого оба давыдовских. Но пришли другие времена, и Меклер ушёл с Колчаком...

В 1923 г. у Давыдова (так напечатана фамилия) все три дома на усадьбе были муниципализированы, т. е. изъяты. О судьбе его самого ничего не известно. Никуда не делась в первые годы советской власти только телефонная станция. Но в 1930-е гг. в связи с необходимостью значительного расширения она переехала,

а в домах усадьбы разместилось общежитие кооперативного техникума, вход во двор осуществлялся по пропускам.

Вероятно, при очередном ремонте крыши сферический купол «в целях экономии» был уничтожен, на его месте воздвигли голую пирамиду – в подражание таковым на домах Меклера. Тогда же в поддержку лозунга «всё ненужное – на слом, соберём металлолом» был спилен и металлический балкон, рисунок решёток которого сильно отличался от узоров на соседних высоких зданиях.

Но как напоминание о телефонной станции ещё долго стояли на бывшей Александровской никому уже не нужные столбы, на перекладинах которых когда-то висела настоящая сеть из десятков телефонных проводов.